
Лин Алекс
ИСТИННАЯ ЕГО ВРАГА
18+

Лин Алекс
Истинная его врага

https://litres.ru/74737568
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире древних кланов, где традиции передаются из поколения в поколение, а территории охраняются с особым рвением, раз в год проходит собрание и сопровождается оно грандиозным пиршеством. Но под этим красивым словом кроется истинное название - охота. В этот раз судьба занесла меня туда, где под благородными масками скрываются самые страшные сущности. На этом празднике, где всё дышит древними традициями, один из мужчин назвал меня «Истинной». Но моя судьба теперь в руках другого, кто не отпустит, пока не утолит свою жажду. В этом мире, где сила и власть идут рука об руку с опасностью, мне предстоит пройти через испытания, чтобы найти свой путь и не потерять себя.

Содержание

Глава 1. Путь в никуда 4
Глава 2. За порог чужого дома 12
Глава 3. Под маской гостеприимства 22
Глава 4. Цена чужой верности 33
Глава 5. Добыча охотника 43
Глава 6. Пленница 51
Глава 7. Цена уязвимости 61
Глава 8. Шаг за черту 70
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Лин Алекс
Истинная его врага

Глава 1. Путь в никуда

В последнее время я была одержима желанием вырваться к морю, но теперь кажется, что я просто не умею правильно проецировать свои желания. Или, возможно, в прошлой жизни я совершила слишком много ошибок и теперь расплачиваюсь за них. Потому что вместо безмятежного отдыха мне приходится бороться за свою жизнь.

Никогда бы не подумала, что обычный отпуск обернётся кровавой бойней. Ещё совсем недавно я была счастлива оказаться на этом райском полуострове, а теперь моя жизнь — сплошная борьба за выживание. Оказалось, мы не одни в этом мире. Если бы я не увидела всё своими глазами, ни за что бы не поверила в этот ужас. Всё вокруг похоже на другое измерение — на изуродованную фантазию злого режиссёра или самый жуткий сон, из которого никак не удаётся проснуться. И хуже всего то, что с каждой минутой я всё сильнее боюсь, что это вовсе не сон.

Я не могла заставить сердце успокоиться. Оно отчаянно билось, будто хотело проломить грудную клетку и выдать моё местоположение каждому, кто охотился во тьме. Этот

жуткий монстр назвал меня «истинной» и заявил, что по праву я принадлежу ему. Слова звенели в ушах, как проклятие, а я не знала, что всё это значит. Под толстым слоем его обаяния и притягательности пряталось нечто чудовищное — и теперь эта маска окончательно сползла.

Выглянув из-за угла, я осторожно осмотрела тёмный коридор. Его освещали редкие факелы, отбрасывавшие дрожащие тени, которые казались почти живыми. Я снова бросилась бежать по длинному проходу старого замка, едва различая дорогу: камни под ногами были скользкими от сырости, а воздух — тяжёлым, пропитанным запахом гари и чего-то чужого.

На очередном повороте я споткнулась и упала, больно ударившись коленкой о каменный пол. Кожу обожгло, но я стиснула зубы, поднялась и, прихрамывая, побежала дальше, стараясь не обращать внимания на боль. Каждый шаг отдавался в груди, смешиваясь с бешеным ритмом сердца.

Услышав очередной крик, я невольно обернулась. Он оборвался слишком резко, и от этой внезапной тишины стало ещё страшнее. Похоже, кто-то из гостей стал очередной жертвой. Я рвано выдохнула и прижала ладонь ко рту, подавляя всхлип, который рвался наружу. Нервы натягивались, как струны, готовые лопнуть. Я была готова бороться, защищать себя, но не знала как. В голове мелькали обрывки сюжетов из прочитанных книг и просмотренных фильмов: серебро, святая вода, молитвы, осиновый кол… Но что из это-

го реально работало против этих существ? Здесь, в этом замке, привычные правила, похоже, не действовали.

Звериный рёв заставил меня метнуться в сторону, и я снова побежала, то и дело оглядываясь назад. В панике я не заметила стены и врезалась в неё, а потом по инерции полетела назад, но упасть не успела. Чья-то твёрдая рука поймала меня под локоть, удержала и резко потянула на себя.

Я затравленно вскинула взгляд на того, кто стоял передо мной. Высокий мужчина, почти силуэт: на лицо падала густая тень, и черты расплывались в полумраке, будто сама тьма не хотела отдавать его мне.

– Помогите! Прошу! – прохрипела я, пытаясь выровнять сбившееся дыхание, но воздух будто застревал в горле. – Нужно бежать отсюда, – я снова оглянулась, вглядываясь в тёмный коридор, чтобы убедиться, что чудовища ещё не настигли меня. Сердце колотилось где-то в висках, перекрывая все остальные звуки.

Когда я вновь посмотрела на незнакомца, пальцы рук уже немели от напряжения, и только тогда я осознала, что отчаянно вцепилась в его рубашку, смяв ткань в кулаках. Я разжала пальцы, отпустила ткань и снова подняла голову, стараясь разглядеть хоть что-то в его лице, прочесть эмоции. Может, его парализовал страх? Или он вообще не собирался помогать? В этой темноте невозможно было понять, друг он или ещё одна угроза.

– Послушайте, нужно бежать из этого проклятого замка!

Здесь чудовища… – выдохнула я, и собственный голос показался чужим, надломленным.

– Чудовища? – произнёс незнакомец с усмешкой.

Всего одно слово заставило меня напрячься всем телом, будто по коже провели ледяной иглой. Голос у него был бархатный, но со стальными нотками — таким же зазывным, чарующим баритоном говорил тот, кто сейчас гнался за мной по коридорам.

Я резко отпрянула, уже понимая: передо мной не человек. Он сделал шаг вперёд — я снова попятилась, пока каблук не упёрся в неровный камень, отрезая путь назад. Когда ближайший факел выхватил из темноты его лицо, я на миг замерла: это был не мой преследователь.

Очередная маска, от которой невозможно отвести взгляд. Страшно красивая, магнетическая внешность — она будоражила, манила, располагала к себе, словно была создана, чтобы усыплять бдительность. Но я уже знала, что прячется за этой безупречной оболочкой. Монстр.

— Ты ведь один из них? — поморщилась я, продолжая медленно отступать, хотя отступать было некуда.

– Можешь уточнить? – он говорил с насмешливой ленцой, будто мы стояли не посреди кошмара, а вели светскую беседу.

Да, этот монстр был моложе и обаятельнее первого, но по хищному прищуру я поняла: он в разы опаснее. В нём не было звериной ярости — только холодная, расчётливая игра.

– Ты знаешь, о чём я, – голос сорвался, и я сжала кулаки, чтобы унять дрожь. – Ты один из тех, кто убивает невинных людей! Почему? – со всхлипом вырвалось у меня, и этот звук показался мне до нелепого жалким в гулкой тишине коридора.

– Почему нет? – очередная усмешка легла на его лицо, как вторая кожа. – Охота доставляет неимоверное удовольствие.

– Охота? – в горле пересохло так, что каждое слово царапало изнутри. Я машинально потёрла шею, будто это могло вернуть голос, но тишина вокруг становилась всё гуще, словно замок сам втягивал в себя любые попытки крика, оставляя только эту ледяную игру взглядов.

Парень лениво опустил взгляд к моему горлу, а потом скользнул ниже, задерживаясь на груди — так нарочно, так бесстыдно, что я невольно обхватила себя руками, будто могла спрятаться от этого взгляда. И тут с ледяным ужасом заметила, как его клыки удлиняются, а черты лица грубеют, теряя человеческое обличье.

– Не надо! – выкрикнула я, когда он оказался рядом в одно мгновение, будто пространство между нами просто стёрлось.

– Морак, – злобно прошипел он над самым ухом, и от этого шёпота по спине пробежал не холод, а обжигающий ток. – Это ты была с ним, – и вдруг резко отпустил, будто я стала ему противна.

Я распахнула глаза и тут же прижала ладонь к шее, лихорадочно проверяя, не осталось ли на коже следов клыков, не

течёт ли кровь.

– Как ты ушла от него? Отвечай! – его голос ударил, как хлыст. Я вздрогнула и подняла взгляд, и тут же попала в плен этих колючих, пронзительных глаз — в них не было ни капли человечности. – Как ты смогла уйти от Морака?

— Я не знаю, кто это, — выпалила я, но, увидев, как исказилось его лицо, тут же ответила: — Он лишь велел не трогать меня… А потом... потом я вырвалась.

Сама замерла, едва договорив. Ведь я и правда понятия не имела, кто такой этот Морак. Имя звучало как проклятие, как что-то, что знают все вокруг, кроме меня.

— Вырвалась? — он тихо рассмеялся, и этот смех был страшнее любого крика. — От главенствующих так просто не уйти. Сейчас он охотится на тебя. Ищет, чтобы присвоить. Напитанная страхом кровь — как затяжное вино, — чудовище снова рассмеялось, и в этом звуке не было веселья — только голод. — Вот только он не учёл, что ты попадёшься в мои руки.

Его глаза вспыхнули алым огнём, и, прежде чем я успела вдохнуть, он схватил меня за горло и впечатал в стену. Каменный холод ударил в спину, а хватка была стальной — такой, что перед глазами поплыли тёмные пятна.

Я взвизгнула и вцепилась в его руку, пытаясь хоть немного ослабить давление, но пальцы скользили по твёрдой, почти каменной коже. Он не просто держал — он демонстрировал силу, смаковал мою беспомощность, как тот самый «затяж-

ной напиток», о котором только что говорил.

— Моркал велел не трогать меня, — прохрипела я, цепляясь за эти слова, будто они могли стать щитом.

— Морак, — поправил мужчина с ленивой насмешкой, и его губы, холодные как лёд, коснулись моей шеи. От этого прикосновения по коже пробежал не холод, а обжигающая волна ужаса.

— Отвали от меня! — я попыталась пнуть его, но в тесном пространстве коридора удар вышел неловким, и я лишь сама болезненно ударилась о стену.

— Знаешь, что будет, если я убью тебя, а потом кину твоё растерзанное тело к его ногам? — прошептал он, и я зажмурилась, боясь даже представить эту картину. – Он придёт в ярость, — усмехнулся незнакомец.

— Давай уже покончим с этим, — голос дрожал, но я заставила его звучать твёрдо, будто могла диктовать условия даже сейчас. — Зачем мне эта информация? Всё равно умирать, — и я взглянула врагу прямо в глаза.

Лучше бы я этого не делала. Алый огонь в его взгляде обжигал, затягивал в водоворот, словно я уже падала прямиком в ад. В груди разлилось ледяное опустошение, а следом пришло горькое понимание и странное, почти безвольное смирение: мой час пробил.

По щеке покатилась слеза, и в тот же миг шею пронзила такая резкая, ослепляющая боль, что перед глазами вспыхнули чёрные искры. Ощущение было таким, будто мне от-

рывают голову. Я услышала оглушающий крик и лишь через мгновение поняла, что кричала я сама. До этого я клялась себе, что не позволю себе и пикнуть, не доставлю этой твари удовольствия. Но я ошиблась.

Тело быстро обмякло, повисло в его хватке, как сломанная кукла. Я пыталась удержать сознание, цепляясь взглядом за дрожащее пламя ближайшего факела. Оно металось, отбрасывая безумные тени, а потом начало медленно тускнеть, съеживаться, пока не погасло совсем. И вслед за ним погас и мир.

Глава 2. За порог чужого дома

Несколькими часами ранее.

— Ты уверен, что это тот самый дом? — Вероника пытливо смотрела на Андрея, который в это время сверялся по навигатору в телефоне. Её взгляд был напряжённым, будто она пыталась вычитать в экране не координаты, а ответ на вопрос, который боялась задать вслух.

— Ты видишь где-то ещё дома? — с усмешкой произнёс Максим. Он положил широкую ладонь на телефон друга, перекрыв экран, и с уверенностью, в которой слышалась скорее бравада, чем спокойствие, добавил: — Это и есть наша конечная цель.

Мы приехали на отдых небольшой компанией по приглашению таинственного друга Марка. Сначала мне казалось странным ехать в чужую страну к неизвестным людям, но Марк заверил, что бояться нечего. К тому же хозяева временно будут отсутствовать, а значит, в доме будем только мы. Звучало как обещание уединения, но в груди всё равно ворочалось неприятное предчувствие — будто нам предлагали не отдых, а временное укрытие.

Солнце стояло в зените, безжалостно выжигая небо, и нам хотелось поскорее спрятаться в тени. Воздух был горячим и сухим, дышать было почти нечем, а вода в бутылках давно закончилась. За весь наш путь мы практически не отдыхали:

дорога петляла по безжизненным склонам, не предлагая ни кафе, ни тенистых остановок, ни даже намёка на человеческую заботу.

И вот, преодолев немалое расстояние, мы стояли перед большим двухэтажным домом. Он стоял в гордом одиночестве среди каменистой пустоши со скудной растительностью, будто сам выбрал это место, чтобы отгородиться от мира. Дом прижался к краю отвесной скалы, и на фоне неба, сливающегося с морской гладью, он выглядел не гостеприимно, а монументально — как сторожевая крепость, которая не приглашает войти, а молча оценивает, достойны ли мы порога.

Дом встречал нас распахнутыми коваными воротами, и за ними нас поджидал дворик — на первый взгляд уютный, будто сошедший с открытки. Роскошные клумбы, густой зелёный навес из живого вьюна, который сплетался над головой в плотную крышу и прятал нас от палящих лучей. Но стоило присмотреться, и в этой идиллии проступала какая-то неправильность.

Я задержалась у садовых скульптур, невольно вглядываясь в их странные, будто нарочно искажённые черты. У ангелочка с хищно обнажёнными клыками не хватало одного крыла — будто его не отбили, а намеренно отломили, оставив неровный скол. Гномик со зловещим, застывшим взглядом лишился носа, и эта пустота выглядела не как результат времени, а как намеренное обезображивание. Казалось, кто-то хотел стереть у них лица, лишить индивидуальности,

оставив только пугающий намёк на былое очарование.

– А вот и ключи! – воскликнул Марк, позвякивая ими, и этот звонкий, бодрый звук странно диссонировал с тяжёлой тишиной двора.

Я оторвалась от статуй и поспешила вслед за остальными. Марк отпер массивную деревянную дверь, и та при открывании издала протяжный скрип — низкий, тягучий, похожий на стон, будто дом нехотя впускал нас внутрь.

Внутри оказалось светло из-за панорамных окон, а полупрозрачные лёгкие занавески мягко размывали вид на бескрайнее море, превращая его в акварельный силуэт. Воздух был прохладным, почти звенящим, и от этого после душного пути он казался неестественно чистым — как в помещении, где слишком старательно вытирали пыль, пытаясь скрыть следы чьего-то присутствия. Мебели было минимум, только самое необходимое, и эта сдержанность придавала дому не уют, а ощущение временной паузы — будто кто-то просто ненадолго вышел и скоро вернётся.

Марк устало плюхнулся на диван, раскинув руки и ноги в разные стороны, словно хотел занять собой как можно больше пространства и тем самым присвоить этот чужой дом. Андрей тут же отправился на поиски кухни и, разумеется, еды — его практичность сейчас казалась почти спасительной. Вероника решила исследовать внутреннее пространство нашего временного жилища, её шаги гулко отдавались по полу, будто она проверяла, насколько твёрдо здесь

стоит каждый предмет.

А мне не терпелось поскорее стянуть с себя пропотевшие вещи и встать под прохладные струи душа — не столько чтобы смыть дорожную пыль, сколько чтобы смыть с себя это липкое ощущение, что мы приехали туда, где нам не совсем рады.

Я поднялась по широкой лестнице, чувствуя, как каждое движение отзывается глухой болью в натруженных мышцах. Второй этаж встретил меня той же стерильной тишиной, лишь мягкий ковёр глушил шаги, превращая их в крадущиеся шорохи.

Выбрав ближайшую дверь, я толкнула её и замерла на пороге. Спальня оказалась просторной, с огромной кроватью, застеленной белоснежным бельём, которое казалось неестественно ярким в полумраке комнаты. Шторы были плотно задёрнуты, отрезая внешний мир и создавая иллюзию безопасного кокона. В углу стоял старинный шкаф из тёмного дерева, его полированная поверхность тускло поблёскивала, отражая мои искаженные, дрожащие очертания.

Заперев дверь на щеколду — жест скорее символический, чем защитный, — я быстро сбросила дорожную сумку, рюкзак, а следом и одежду. Ткань с тихим шелестом упала на пол, и прохладный воздух коснулся разгорячённой кожи, вызывая легкую дрожь.

Я стояла под прохладными струями душа и наконец-то чувствовала, как напряжение понемногу отпускает тело.

Тёплая вода смывала дорожную пыль, соль и тот липкий страх, который цеплялся за меня с самого момента, когда мы свернули с главной трассы. Тёплая расслабленность всё ещё держалась на коже после душа, будто вместе с дорожной пылью смыла и половину тревог. В голове стало тихо, и даже этот огромный, непривычный дом вдруг показался не пугающим, а просто… очень просторным.

Из дорожной сумки я наспех вытащила то самое лёгкое платье — то, что кинула «на всякий случай». Тонкая и воздушная ткань мягко окутала тело своей прохладной, окончательно расслабив тело и подарив лёгкость. Теперь я наконец-то могла по-настоящему расслабиться.

Я спустилась вниз и сразу пошла на голоса друзей, доносившиеся с кухни, которая впечатлила своим простором. Казалось, здесь специально оставили побольше воздуха, чтобы никто не чувствовал себя стеснённым. Вдоль стены тянулись шкафы с матовыми стеклянными дверцами — всё аккуратно, ничего лишнего, но эта чистота не колола взгляд, а наоборот, успокаивала: видно, что за пространством следят, и в этом есть своя забота. Рабочая поверхность из тёмного камня выглядела солидно и надёжно, а строгие светильники над ней ровно и спокойно заливали всё светом — никаких тёмных углов, ничего, что хотелось бы поскорее разглядеть.

Стол стоял у панорамного окна, и вид на море сразу притягивал взгляд: спокойная гладь, ровная линия горизонта, будто весь мир сегодня решил быть простым и понятным.

Стулья с прямыми спинками выглядели не сурово, а удобно — в самый раз, чтобы сесть, вытянуть уставшие ноги и наконец выдохнуть.

А на столе было столько всего, что я невольно улыбнулась. Тонкие ломтики копчёного лосося, устрицы с дольками лимона, фрукты, бутылки вина с тёмными этикетками — словно кто-то очень старался нас порадовать. И эта щедрость среди всей этой сдержанной элегантности вдруг показалась не странной, а по-хорошему гостеприимной.

Марк уже сидел во главе стола и с довольным видом откупоривал бутылку. Андрей, не теряя времени, отрезал кусок тёмного хлеба, создавая себе бутерброд, и в этом его нетерпении было что-то до боли привычное и правильное. Вероника стояла у края стола и водила пальцем по краю хрустальной тарелки, будто проверяла, настоящая ли она, и от этого жеста мне стало смешно: мы все сегодня немного не верили, что наконец-то добрались.

— Ну наконец-то! — Марк поднял взгляд и широко улыбнулся. — А то мы уже думали, ты там навсегда осталась. Садись, тут всего навалом.

Я подошла и села, чувствуя, как плечи опускаются, будто с них сняли тяжёлый рюкзак. Платье чуть шелестело при каждом движении, и этот тихий звук казался частью уюта — лёгким, ненавязчивым, как шёпот морского ветра.

— Выглядит… как праздник, — сказала я и улыбнулась уже по-настоящему.

— Вот именно, — Андрей тут же подвинул ко мне тарелку, на которую уже успел положить понемногу всего. — Никакой суеты, никаких смен, никаких «успеть до зарплаты». Только мы, море и нормальная еда.

Вероника наконец оторвалась от тарелки, села рядом и тихо рассмеялась:

— Ладно, сдаюсь. Выглядит слишком вкусно, чтобы стоять и сомневаться.

Марк разлил вино по бокалам и поднял свой:

— За то, что мы здесь. За то, что выбрались. За нормальный отдых, который мы все заслужили.

Я взяла бокал, чувствуя прохладу хрусталя. Вино пахло тёмными ягодами, чуть пряно, но без всякой таинственной горечи — просто хороший, насыщенный аромат. Сделала глоток — тёплый, мягкий, без подвохов.

Андрей первым набросился на еду, и этот его азарт заражал: хотелось тоже схватить кусочек хлеба, положить сверху лосося и просто наслаждаться тем, что можно не спешить. Вероника потянулась к устрицам, потом вдруг замерла, посмотрела на меня и подмигнула:

— Знаешь, я ведь думала, что в отпуске буду сидеть на салатах и считать калории. А сейчас поняла: нет. Сегодня я беру всё.

Я рассмеялась, и этот смех прозвучал легко, без напряжения. Платье, прохлада, запах моря и вина, голоса друзей — всё это сплеталось в простую, хорошую картину.

За окном море оставалось спокойным, линия горизонта лежала ровно, и не было в этом никакой угрозы — только простор, который обещал: сегодня можно просто быть, не высматривая подвох в каждой тени.

И когда Марк снова поднял бокал:

— Ну, за нас!

— За нас, — повторила я, и в этот раз голос звучал твёрдо и спокойно.

Смех ребят, звяканье бокалов, запах хлеба и моря — всё это сплеталось в простую, хорошую картину. Никаких посланий, никаких тревожных знаков. Просто ужин, просто друзья, просто первый вечер отпуска, который наконец начинался по-настоящему.

— А ещё кое-что, — Марк чуть наклонил бутылку, будто собирался налить себе ещё, но вместо этого поставил её на стол и хитро прищурился. — Сегодня вечером нас ждут на званом ужине. Ну, то есть это даже не просто ужин, а целая вечеринка.

Мы все замерли. Даже Максим перестал жевать и уставился на него.

— В смысле «нас ждут»? — переспросила я. — Кто ждёт? Хозяева дома? Но ты же говорил, их не будет…

Марк махнул рукой, будто отметал лишние тревоги:

— Не хозяева. Тут всё устроено иначе. Это ежегодная вечеринка для гостей курорта — её устраивают специально, чтобы все познакомились, поболтали, выпили хорошего ви-

на и вообще почувствовали себя частью чего-то большого. И нас туда официально пригласили. Отказаться можно, конечно, но… Ну, это как приехать на море и не зайти в воду. Вроде и можно, а зачем?

Вероника приподняла бровь:

— То есть мы только приехали, ещё даже вещи толком не разобрали, а нас уже тащат на светский приём?

— Именно! — Марк щёлкнул пальцами, довольный, что наконец озвучил новость. — И это даже хорошо: не придётся сидеть и думать, чем заняться в первый вечер. Будет музыка, будут люди, будет море на фоне — в общем, всё, ради чего мы сюда ехали.

Андрей хмыкнул, но в глазах у него мелькнуло любопытство:

— А дресс-код какой? Я в этих своих джинсах точно не потяну на «званый ужин».

— Да ничего такого, — отмахнулся Марк. — Стиль «курортная элегантность». То есть можно и в платье, можно и в рубашке с брюками — главное, чтобы не в шортах и не в пляжных тапочках. Так что ты, Макс, вполне сойдёшь, если рубашку поменяешь. А у тебя, — он перевёл взгляд на меня и одобрительно кивнул, — вообще идеальный вариант. Это платье как раз в духе места: лёгкое, но не простое.

Внутри шевельнулось что-то приятное — не тревога, а предвкушение. Впервые за долгое время не нужно было думать, «потяну ли я этот вечер», не нужно было высчитывать,

хватит ли денег на бокал шампанского или прилично ли будет заказать только воду. Сегодня можно было просто надеть платье и пойти туда, где играет музыка и смеются люди.

— Ладно, — тихо сказала я и улыбнулась. — Значит, вечеринка.

Вероника вздохнула, но в этом вздохе не было недовольства — скорее смирение с неизбежным и лёгкая искорка азарта.

— Ну хорошо, — кивнула Вероника. — Тогда у меня есть пара часов, чтобы привести себя в порядок. И, может быть, даже найти в чемодане что-то, кроме футболки и шорт.

Марк довольно откинулся на стуле, явно довольный тем, как всё складывается:

— Вот и отлично. Значит, так: до вечера у нас есть время выдохнуть, погулять, может, дойти до пляжа, посмотреть, как садится солнце. А потом, после заката, на вечеринку. Это будет хороший старт нашего отпуска.

За окном море по-прежнему лежало спокойно, линия горизонта была ровной, и в этом спокойствии теперь чувствовалось не безмолвие, а обещание: впереди — вечер, огни, музыка, чужие лица, с которыми можно не быть кем-то важным, а просто побыть собой.

Я сделала ещё один глоток вина — теперь в нём чувствовалась не терпкость, а сладость, будто напиток успел согреться в бокале.

Глава 3. Под маской гостеприимства

Я стояла перед зеркалом в комнате, которую уже считала своей. Но недавно сюда ворвалась Вероника. Она решила составить мне компанию, став моей соседкой по комнате. Теперь она носилась словно вихрь, готовясь к вечеринке, потому что до этого она спала, решив как следует отдохнуть перед выходом. Но когда она на мгновенье остановилась, продолжая возмущаться тем, что её не разбудили, взгляд Вероники остановился на мне. Она замолчала и смотрела на меня так, словно не узнавала.

— Нина, ты прекрасна, — наконец произнесла она, вызвав во мне лёгкую улыбку.

— Спасибо, Ника, — поймала её взгляд в отражении зеркала.

С собой я взяла единственное платье, которое так и оставалось висеть с биркой в шкафу на вешалке. Покупала его на всякий случай и решила взять с собой. И, похоже, этот случай настал. Приталенное ажурное платье цвета «пыльная роза» — не кричащее, не вызывающее, а такое, в котором чувствуешь себя одновременно нежной и уверенной. Ажурная ткань ловила свет, чуть мерцала, когда я поворачивалась, и в этом было что-то почти волшебное. Платье мягко облегало

фигуру, подчёркивая линии, но не выставляло их напоказ — в нём хотелось не позировать, а просто жить: смеяться, кружиться под музыку, стоять у самой кромки воды и чувствовать, как ветер играет с подолом.

Длинные волосы цвета спелой пшеницы я собрала в затейливую причёску — не ту, что делают в салонах за час кропотливой работы, а такую, будто она сама сложилась из желания выглядеть чуть наряднее, чем обычно. Несколько шпилек с цветами держали основную массу волос, а по бокам я оставила несколько локонов — они падали свободно, чуть завиваясь, и от этого лицо казалось мягче, а взгляд чуть загадочнее.

Макияж я сделала лёгкий, неброский: чуть тронула ресницы тушью, добавила полупрозрачный блеск на губы и едва заметные тени, чтобы подчеркнуть глубину глаз, но не спрятать за косметикой своё настоящее выражение. В этом и была вся прелесть: я не пыталась стать кем-то другим, я просто позволила себе быть чуть наряднее обычного.

— Ну раз уж ты готова, то помоги мне с причёской, — и протянула мне расчёску.

Вскоре мы вместе спустились вниз, где нас ожидали наши друзья. Марк стоял у двери, в тёмно-синей рубашке и светлых брюках — он выглядел так, будто всю жизнь ходил на такие вечеринки, и теперь наконец-то оказался на своей территории. Андрей, как и обещал, сменил футболку на рубашку — простую, но аккуратную, и даже поправил ворот-

ник, будто сам удивлялся, как это приятно — выглядеть чуть лучше, чем обычно.

— Вот это я понимаю, — протянул Марк, оглядывая нас с Вероникой. — Теперь мы точно готовы произвести впечатление.

Андрей хмыкнул, но в его взгляде читалось одобрение:

— Выглядите отлично. Главное, чтобы там было что поесть. Вечеринка без еды — это не вечеринка.

Мы рассмеялись, и этот смех стёр последние остатки неловкости.

Марк распахнул дверь, и нас встретил вечерний воздух — тёплый, с лёгкой морской солью, будто море само шептало: «Сегодня можно не спешить». Закаты уже начинали подкрашивать небо в мягкие оттенки, и цвет моего платья будто подхватывал эту палитру, становясь частью наступающего вечера.

— Ну что, — в руках Марка вдруг оказались ключи от автомобиля. Он махнул в сторону дорожки, ведущей к воротам, — идём ловить этот вечер.

У ворот стоял новенький внедорожник серебристого цвета — блестящий, будто только что из салона, с тёмной тонировкой и хромированными деталями, которые ещё хранили лёгкий заводской отблеск. Андрей присвистнул, Вероника удивлённо приподняла брови, а я замерла на секунду, озадаченная тем, что у Марка есть такие друзья или такие возможности, о которых он раньше не говорил.

Андрей уже тянул Веронику к машине:

— Комфорт — это хорошо. Особенно если там есть подстаканники и кондиционер. Я в этом сезоне заслужил кондиционер.

— Ты заслужил его ещё в прошлом году, когда тащил все наши сумки от вокзала, — рассмеялась Вероника.

— Ну, — протянул мне руку Марк, — смелее.

Я улыбнулась и протянула ему свою. Парень помог мне сесть в автомобиль и закрыл за мной дверь. Двигатель тихо заурчал, Марк уверенно вырулил на дорогу, и мы поехали вдоль берега. Солнце уже опускалось к горизонту, окрашивая море в тёплые оттенки, и казалось, что дорога сама ведёт нас туда, где сегодня всё должно быть хорошо. Внутри царила приятная прохлада, кондиционер мягко гудел, создавая контраст с нарастающим вечерним зноем.

Я смотрела в окно, наблюдая, как привычный пейзаж острова сменяется густым лесом. Деревья здесь были старше и выше, их кроны смыкались над дорогой, образуя живой тоннель, сквозь который пробивались лишь редкие лучи угасающего солнца. Тишина в салоне нарушалась лишь тихой музыкой и голосами друзей, но внутри меня поселилось странное, липкое беспокойство. Казалось, будто сам воздух вокруг становился плотнее, насыщеннее запахами хвои и чего-то древнего, едва уловимого, напоминающего сырую землю и железо.

— Эй, Нина, ты куда пропала? — голос Марка вырвал ме-

ня из задумчивости. Он взглянул в зеркало заднего вида, и в его глазах мелькнула тень озабоченности. — Всё в порядке? Ты какая-то тихая.

— Просто думаю, — ответила я, заставив себя улыбнуться, чтобы не выдавать тревогу. — Немного волнуюсь. Всё-таки мы едем к незнакомцам.

— Расслабься, — фыркнул Андрей, не отрываясь от экрана своего телефона. — Это же просто вечеринка. Шампанское рекой, дорогие закуски и никаких обязательств. Если станет скучно или страшно, мы всегда можем сделать вид, что нам срочно нужно проверить, как там наша яхта.

Марк усмехнулся, но его руки крепче сжали руль. Дорога становилась всё уже и извилистее, асфальт сменился брусчаткой, покрытой мхом. Впереди, сквозь переплетение ветвей, начали проступать очертания высоких каменных стен.

Машина плавно обогнула последний поворот, и каменные стены, словно стражи древности, расступились перед нами. За ними открылся вид на старинный особняк, утопающий в сумерках. Здание выглядело величественно и немного пугающе своими высокими окнами и резными карнизами, но теплый янтарный свет, льющийся из них, смягчал эту суровость, приглашая внутрь. Казалось, что дом сам дышит, встречая гостей уютным теплом, контрастирующим с прохладой наступающей ночи.

Марк свернул на широкую подъездную аллею, вымощенную ровным камнем. В центре просторного двора бил фон-

тан, чьи струи, подсвеченные скрытыми прожекторами, переливались всеми оттенками синего и серебра. Вокруг него уже стояло несколько дорогих автомобилей, блестевших лаковыми боками в искусственном свете. Из особняка доносились приглушенные звуки музыки и смех — тот самый звук беззаботного веселья, которого мы так ждали, но который сейчас почему-то заставлял моё сердце биться чаще.

— Ну вот мы и на месте, — объявил Марк, глуша двигатель. Его голос звучал бодро, но я заметила, как он на секунду задержал взгляд на входной двери, прежде чем выйти.

Мы выбрались из машины. Воздух здесь был иным — густым, напоенным ароматом ночных цветов и чем-то сладковатым, приторным. В дом уже поднималась группа молодых людей. Они смеялись, их лица были красивы и безупречны, движения плавны и грациозны. Девушка в красном платье что-то весело рассказывала парню, касаясь его руки, и тот отвечал ей широкой улыбкой.

Вероника поправила сумочку и уверенно шагнула вперёд, подхватывая меня под локоть.

— Идём, Нина, не заставляй их ждать, — прошептала она, и в её глазах блестел азарт игрока, готового сделать ставку.

Я кивнула, стараясь вытеснить липкое чувство тревоги, которое не отпускало меня с момента въезда в лес. Улыбаясь сквозь напряжение, я последовала за друзьями к освещенному входу, где тьма за нашими спинами казалась теперь особенно плотной и недружелюбной.

Тяжёлые дубовые двери, украшенные кованым узором в виде переплетённых лоз, бесшумно распахнулись перед нами, словно приветствуя избранных. Шаг через порог стал переходом в иной мир: холодный ночной воздух с запахом сырости и хвои мгновенно сменился густой, обволакивающей теплотой. Воздух внутри был насыщен ароматами дорогих духов, старого дерева, воска и чего-то сладкого, пряного, от чего слегка кружилась голова. За нашими спинами створки сомкнулись с глухим, окончательным щелчком, отрезая нас от внешней тьмы, и на секунду мне показалось, что мы оказались в ловушке, из которой нет выхода.

Внутреннее пространство особняка поражало воображение, стирая границы времён. Высокие готические своды терялись в полумраке потолка, поддерживаемые массивными каменными колоннами, чья грубая текстура контрастировала с изысканной роскошью убранства. От стен к центру зала тянулись тяжёлые бархатные портьеры глубокого винного цвета, а между ними висели старинные гобелены, изображающие сцены охоты, где звери и люди были запечатлены в вечном, застывшем движении. Свет от огромных хрустальных люстр, сверкающих тысячами граней, отражался в полированном до зеркального блеска паркете, создавая иллюзию, что мы идём не по полу, а по поверхности тёмной, неподвижной воды.

Гости, собравшиеся в просторном зале, казались частью этой декорации — такими же безупречными и холодными.

Мужчины в безупречно скроенных смокингах и женщины в шелковых платьях держали бокалы с рубиновой жидкостью, их смех звучал тихо и мелодично, без той развязной громкости, к которой я привыкла. Они двигались плавно, почти бесшумно, и их взгляды, скользившие по нам, были лишены простого человеческого любопытства. В них читалась оценка, спокойная и хищная, словно мы были не новыми знакомыми, а экзотическим блюдом, поданным к столу.

Вероника, почувствовав моё напряжение, сильнее сжала мой локоть, её глаза блестели от восторга перед окружающей роскошью.

— Нина, ты только посмотри на это! — прошептала она, едва сдерживая возбуждение. — Это же как в кино!

— Нам сюда, — улыбнулся Марк и указал на открытые двери, уводящие в тускло освещённый коридор. — У нас другая зона, — подмигнул он.

— Разумеется, гости высшего класса размещаются отдельно, — с иронией заметила Вероника.

— Поверь, вам там больше понравится, — загадочно улыбнулся парень и взял девушку под руку. — Там нет всех этих пафосных лиц, — подмигнул он, прошептав последние слова, будто нас могли услышать.

Коридор оказался неожиданно тихим, будто плотная тишина лежала здесь слоями, приглушая даже наши шаги. Светильники вдоль стен давали неяркий янтарный свет, от которого камень казался теплее, а тени мягче. По обе стороны

тянулись резные панели, кое-где покрытые тонким узором, словно кто-то когда-то выводил на дереве целые истории, а теперь они стёрлись до намёков.

Мы шли за Марком, и с каждым шагом ощущение «не того места» потихоньку растворялось. Да, особняк был мрачным, да, коридор выглядел так, будто вёл не на вечеринку, а в библиотеку с запретными книгами, — но рядом были друзья, их голоса, их смех, и этого хватало, чтобы не чувствовать себя чужой.

Наконец коридор вывел нас в небольшую гостиную — не огромную, как главный зал, а уютную, будто специально созданную для тех, кто не хочет теряться в толпе. Здесь тоже было темно, но не угнетающе: мягкий свет падал из высоких бра, отражался в стекле старинных шкафов, скользил по бархатным драпировкам. В одном углу стоял низкий столик, уставленный блюдами, в другом — группа кресел, а чуть дальше виднелся выход на террасу, откуда тянуло свежим воздухом и доносился приглушённый ритм музыки.

Марк раскинул руки, будто представлял нам не комнату, а целый мир:

— Вот она, наша зона. Спокойнее, тише и, что самое важное, без толп. Зато с видом и с едой в шаговой доступности.

Вероника медленно обошла комнату, провела пальцем по спинке кресла, улыбнулась:

— Знаешь, а тут даже мило. Как будто кто-то специально спрятал этот уголок, чтобы в нём можно было просто выдох-

нуть.

Я остановилась у выхода на террасу. Отсюда море казалось особенно близким — чёрным полотном, прошитым лунной дорожкой. Ветер чуть шевелил ажурные узоры на моём платье, и в этом лёгком движении было что-то успокаивающее: будто сама ночь шептала, что сегодня можно не быть сильной, не быть собранной, не быть той, которая всё успевает. Сегодня можно просто стоять у перил, чувствовать прохладу на коже и знать, что рядом свои.

Услышав голоса, я сделала шаг и вышла на просторную террасу, которая оказалась довольно высокой, будто дом нарочно врос в склон, чтобы подставлять себя ветру и открывать вид, от которого замирало дыхание. Подойдя к балюстраде, я посмотрела вниз: там, в полутени, мелькали силуэты гостей, слышался приглушённый гул разговоров, смех, звяканье бокалов, будто под нами раскинулся свой отдельный маленький мир.

А самое интересное было в том, что мы оказались на другой стороне, словно прошли сквозь гору и теперь стояли там, где никто не ждал. Отсюда море выглядело иначе: не спокойной гладью, а живой, глубокой стихией, в которой смешивались последние отсветы заката и первые тени ночи. Горизонт будто отодвинулся, и от этого пространство казалось бесконечным.

— Красиво, правда? — я вздрогнула от неожиданности, когда рядом со мной оказался Марк. — Прости, не хотел на-

пугать, — улыбнулся он.

Парень стоял, сунув руки в карманы своих брюк. Он смотрел вниз, свысока наблюдая за молодыми людьми, которые, как и мы, приехали отдохнуть.

— Ну, а где же обещанная вечеринка? — раздалось позади, и к нам присоединились Вероника и Андрей. — Ого, ничего себе вид! — удивился друг.

— Вечеринка в самом разгаре, — загадочно улыбнулся Марк, отчего по моей коже пополз неприятный холодок. — Пора спускаться к остальным.

Глава 4. Цена чужой верности

Марк легко коснулся моего локтя, едва заметно подтолкнув вперёд, и мы покинули уютную полутьму гостиной. Каменные ступени сменились мягкой, влажной травой, а затем и мелким гравием, хрустящим под ногами. Ночной воздух ударил в лицо, принеся с собой резкий, солёный запах моря и тяжёлый аромат цветущих ночных лиан. Мы вышли на просторную террасу, плавно переходящую в песчаный пляж, залитый мягким, приглушённым светом факелов. Огонь танцевал в высоких кованых подсвечниках, отбрасывая длинные, пляшущие тени на белоснежные скатерти столиков, расставленных прямо у кромки воды.

Здесь царила совсем иная атмосфера. Тягучая, давящая тишина особняка осталась позади, уступив место ритмичной, гипнотизирующей музыке, льющейся откуда-то из темноты. Вокруг двигались молодые люди — такие же, как мы, одетые в легкие вечерние наряды, смеющиеся и беззаботно болтающие. Бокалы с вином сверкали в лунном свете, лица сияли румянцем возбуждения и алкоголя. Казалось, здесь не было места для той ледяной отчужденности, что встречала нас в залах замка.

Вероника сразу же расслабилась, её плечи опустились, а в глазах заиграл азарт. Она потянула Максима в сторону ближайшей компании, где кто-то громко смеялся над очеред-

ной шуткой. Андрей, бросив на меня быстрый, оценивающий взгляд, позволил увлечь себя, хотя в его позе всё ещё читалась осторожность хищника, изучающего новую местность.

Марк остался рядом, его рука все так же невесомо лежала на моем локте, не давая отстать или свернуть в сторону.

— Не бойся, Нина, — его голос прозвучал тихо, почти интимно, перекрывая шум волн и музыки. — Это всего лишь праздник. Здесь можно забыть о правилах и просто жить моментом.

Я попыталась улыбнуться, глядя на беззаботные лица вокруг. Девушки в шёлковых платьях кружились в импровизированном танце, парни шутили, обнимая их за талии. Всё выглядело настолько нормально, настолько привычно для любой курортной вечеринки, что моя тревога начала отступать, растворяясь в тёплом ночном бризе. Возможно, я действительно сгущала краски. Возможно, этот дом и его странные хозяева были лишь частью местного колорита, не более чем декорацией для богатых туристов.

— А где же твои знакомые, которые организовали столь чудесный вечер? — поинтересовалась я, высвободив свой локоть.

— Они пока заняты, — загадочно ответил Марк. — Но уже скоро они присоединятся к остальным. Хотя для тебя, Нина, мне велено сделать исключение, — и, взглянув на меня, загадочно улыбнулся.

— Какое ещё исключение? — нахмурилась я. — Кто велел?

Марк предложил свой локоть, но я отказалась. Тогда он взял под локоть меня и повёл обратно на террасу.

— Что происходит? — завопила я. — Марк?

— Успокойся, — сдержанно ответил парень. — Для тебя же лучше.

— Да ты мне больно делаешь! — ответила, ударив его по руке, которой он сжимал мой локоть.

— Если бы ты не была такой упрямой, мне бы не пришлось вести тебя. Если отпущу, сама пойдёшь? — остановился он, вглядываясь в моё лицо.

Я кивнула, обиженно поджав губы. И Марк вдруг отпустил, указав рукой на дверь, которую для нас неожиданно открыл какой-то незнакомец, предпочитая оставаться в тени.

Я с трудом сглотнула, поглаживая локоть, где ещё чувствовалась боль от его пальцев. Медленно, стараясь скрыть дрожь в коленях, я направилась к открытой двери. Марк следовал за мной, его тень накрыла меня, когда я переступила порог. Он слегка опередил меня, закрыв выход, и в этот момент инстинкт самосохранения пересилил разум.

Я рванулась в сторону, прочь от него, прочь из этой ловушки. Ноги несли меня на пределе сил, но в следующий миг мой мир перевернулся.

Марк даже не запыхался. Он просто подхватил меня, грубо и уверенно перекидывая через плечо, как мешок с зер-

ном, и воздух вышибло из лёгких. Я закричала, барабаня кулаками по его широкой спине, выгибаясь, пытаясь укусить, царапать, сделать что угодно, лишь бы он меня отпустил. Но мои удары вязли в ткани его пиджака, а крики тонущими пузырями растворялись в ритмичном, безумном стуке музыки. Он нёс меня, не обращая внимания на моё отчаяние, словно я была не живым человеком, а добычей, которую нужно доставить хозяину.

Тяжесть его плеча давила на диафрагму, не давая вдохнуть полной грудью. Каждый мой удар казался бессмысленным, словно я билась о гранитную стену. Марк шёл уверенно, его шаги были размеренными и тяжёлыми, в то время как моё сердце колотилось где-то в горле, готовое вырваться наружу. Мы миновали шумную террасу, и музыка оборвалась, сменившись гнетущей тишиной коридоров особняка. Холодный воздух кондиционеров обжёг вспотевшую кожу, вызывая неприятную дрожь.

Он нёс меня через длинные, полутёмные залы, где тени от высоких колонн казались живыми существами, протягивающими когтистые лапы. Я перестала кричать, понимая бесполезность усилий, и просто смирилась с тем, что меня ждёт.

Наконец Марк мягко, но неотвратимо опустил меня, поставив на ноги, однако его рука всё ещё крепко сжимала моё предплечье, не давая сделать ни шага назад. Мы оказались перед массивной дубовой дверью с резными узорами, напоминающими переплетенные змеи. По бокам, словно сторо-

жа, стояли мужчины, чопорные, с мертвецки бледной кожей. Они протянули руки и бесшумно отворили нам дверь, открывая взору всё тот же зал, в котором мы оказались в самом начале.

Марк провёл меня вдоль стены, где собрались мужчины. Один из них, словно почуяв нас, обернулся, и в свете огня блеснули его глаза — холодные, бесконечно древние и полные хищного интереса. Я увидела едва заметную улыбку на его губах, и он, попрощавшись с остальными, отошёл в сторону, встречая нас.

Высокий мужчина с бледной, почти фарфоровой кожей и тёмные волосы, уложенные самой тишиной. В его облике не было небрежности, только естественная, вековая собранность хищника, которому нечего доказывать.

Он стоял спокойно, но в этой статике чувствовалась готовность к броску. Дорогая, приглушённая одежда сидела идеально, подчеркивая власть, не нуждающуюся в демонстрации. Он не стремился в центр внимания, но становился им одним своим присутствием — тяжёлым и неумолимым, как скала, пережившая шторма.

— Я выполнил свою часть сделки, мой господин, — произнёс Марк, как только мы подошли к нему.

Я с изумлением взглянула на того, кого считала своим другом. Выходит, Марк нарочно привёз меня в такую даль, чтобы передать какому-то незнакомому мужчине?! Пахнет бредом, от которого меня резко затошнило. Всё было проду-

мано заранее. Как только Марк вошёл в мою жизнь, он то и дело показывал себя с самой лучшей стороны, а на деле он оказался самым настоящим подонком, в глазах которого не было ни капли сожаления.

Незнакомец не сказал ни слова, лишь медленно провёл взглядом по моему испуганному лицу, растрёпанным волосам и дрожащим рукам. В этой тишине было столько власти и подавляющего превосходства, что колени подогнулись сами собой, и я поняла: бежать больше некуда. Переступив порог этого дома, я добровольно загнала себя в угол.

— Свои обещания я сдерживаю, — незнакомец лениво взглянул на Марка. — Я найду тебя позже, — а затем неожиданно подал мне руку.

Я попятилась, спрятав руки за спину, и окинула взглядом гостиную, полную гостей.

— Не стоит нарушать их покой, — хмыкнул незнакомец. — Твои вопли их только позабавят. Я не причиню тебе вреда, обещаю, — произнёс мужчина, продолжая протягивать мне руку.

Я тяжело сглотнула и всё же нерешительно вложила свою руку в его. Его длинные пальцы сомкнулись вокруг моей, словно я попала в очередной капкан. Он рывком притянул меня к себе, и я ахнула, почувствовав, как воздух резко покинул мои лёгкие.

— Ну вот, моя птичка, — сказал он это прямо в мои губы. — Наконец-то ты на своём месте.

— Кто вы? — мой голос дрожал. Я пыталась оттолкнуть мужчину, упираясь в его грудь, но это было бесполезно. — Вы меня с кем-то путаете.

— Ты так похожа на неё, — обмолвился он. — На мою истинную.

— На кого? — переспросила я.

— Потерпи, и я расскажу тебе обо всём. Но запомни, отныне ты со мной, моя птичка, и очень скоро я подарю тебе вечность, — он настойчиво потянулся к моим губам, и я с облегчением выдохнула, когда ему не удалось поцеловать меня.

Внезапно раздался звон. Кто-то стучал чем-то металлическим о хрустальный бокал, привлекая к себе внимание. Все как один уставились на мужчину в центре зала, который начал торжественную речь:

— Наш традиционный вечер начинается с ежегодного собрания кланов. Не совет и не праздник, а момент, когда древняя кровь напоминает о себе. В эту ночь границы между кланами стираются, и обиды не имеют веса. Каждый приносит свой дар: кровь, сведения, клятву. А когда луна встанет в зенит, начнётся охота — по правилам, что старше этих стен. Мы те, кто принимает свою природу целиком. Пусть пир будет достойным, охота — справедливой, а ночь заберёт лишнее, оставив лишь суть.

Все как по команде подняли свои бокалы и произнесли:

— За древнюю кровь! За пир и охоту!

А затем они опустошили свои бокалы, и звон битого стекла разнёсся по всему залу. Все вместе они направились к выходу, в сторону террасы, где веселились мои друзья вместе с остальными гостями. Незнакомец потянул меня следом и, усмехнувшись, произнёс:

— Люблю эту часть. Как, впрочем, и всё здесь.

Его пальцы впивались в мою талию с такой силой, что казалось, вот-вот хрустнут кости, но я не смела даже пискнуть. Когда мы вышли на балкон, ледяной ночной воздух мгновенно обжёг моё лицо и тело сквозь легкую ткань платья.

Незнакомец подвёл меня ближе к краю, но, словно оберегая, отвёл подальше от остальных.

— Смотри, от чего я уберёг тебя, моя радость, — произнёс он мне на ухо. — Ведь тебя ждёт иная участь.

Но мне уже было не до его слов. Когда я подняла глаза, замерла: мы стояли на террасе, но это была не та, откуда нас вывел Марк. Эта была значительно выше, и было видно всю часть полуострова. Он изгибался огромной каменной подковой, зажимая воды залива в смертельные объятия скал. С этой высоты береговая линия казалась тонкой нитью, а море — непроглядной тюрьмой. Не было ни лодок, ни мостов, ни единого шанса покинуть это проклятое место. Мы были заперты здесь, как насекомые в банке, и осознание этой безвыходности накрыло меня тяжелее, чем самый страшный кошмар.

Незнакомец почувствовал, как мои ноги подкосились, и

лишь усмехнулся, его дыхание обожгло ухо холодом и влажным воздухом.

— Да, бежать некуда, маленькая птичка, — прошептал он, и в его голосе звучала не просто угроза, а абсолютная, непоколебимая уверенность хозяина положения. — Этот остров станет твоим домом, а я — твоим единственным смотрителем.

Он заправил прядь моих волос за ухо, а затем взглянул на мою шею, тяжело сглотнул, и ему стоило усилий, чтобы вновь взглянуть в мои глаза.

— Ты так похожа на неё, — вдруг хрипло произнёс он.

— На кого? — дрожащим голосом произнесла я.

— Мою истинную. Ты — это она, я в этом уверен.

В тот же миг тишину разорвал звук. Это был не крик и не выстрел, а низкий, вибрирующий гул, похожий на рёв древнего зверя или скрежет гигантских механизмов. Звук шёл отовсюду и ниоткуда одновременно, проникая под кожу и заставляя зубы стучать от неконтролируемой дрожи. Он был жутким, неестественным, предвещающим нечто куда более страшное, чем простая изоляция.

Замершие до этого гости внезапно зашипели, а на их беззаботных лицах появились страшные маски: лица исказились, из-под губ появились длинные клыки, а глаза засветились рубиновым неоном. Незнакомец крепче сжал мою руку, его ногти больно впились в кожу, и я поняла: охота началась. Теперь до меня начала доходить реальность: я была не зри-

телем, а главной добычей в этой кровавой игре.

Глава 5. Добыча охотника

Дальше начался настоящий кошмар, мир будто треснул по швам, и сквозь разломы хлынула тьма. Чудовища в одно мгновение рассыпались по тёмным углам, будто их втянула сама пустота, и оставили нас с незнакомцем одних на этом проклятом балконе, словно бросили в пасть безмолвного чудовища, что ждало своего часа.

Внизу, где были мои друзья, послышались крики — дикие, надрывные вопли, от которых хотелось заткнуть уши, а лучше — забыть, что вообще умеешь слышать. Каждый звук впивался в сознание, как раскалённый гвоздь, и я чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой, болезненный узел. Мои пальцы до белизны впились в ограждение балкона. Металл был ледяным, шершавым, будто нарочно царапал кожу, напоминая, что это не сон. Я рванулась вперёд, хотела бежать, хоть как-то предупредить их, но мне не позволили.

Жёсткая рука незнакомца легла на моё плечо — не как защита, а как клеймо. Его пальцы впились в ткань платья, а через неё — будто прямо в плоть, удерживая на месте, словно я была не человеком, а вещью, которую нельзя терять в этой бойне. От этого хвата по спине пробежал липкий, тошнотворный холод, и на миг мне показалось, что я вообще перестала дышать.

Воздух пах гарью и чем-то сладковато-металлическим —

запахом чужой крови, и от этого микса к горлу подкатывала горечь, тяжёлая, вязкая, как смола. Я замерла, разрываясь между желанием вырваться и ледяным пониманием: сейчас любое движение может стать последним. В груди колотилось сердце — так громко, что, казалось, его слышит даже эта тьма вокруг. А внизу всё ещё кричали… И каждый вопль бил прямо в висок, будто хотел расколоть череп изнутри.

— Не бойся, моя птичка, тебя никто не посмеет тронуть, — широко улыбнулся незнакомец и, подняв руку, одним чётким движением руки полоснул себя по запястью.

На его руке выступили алые пятна, а затем тонкой струйкой потекли по руке.

— Пей! — велел он, протянув мне своё запястье.

Я нахмурилась и, собрав всю волю в кулак, резко оттолкнула руку незнакомца. Холод его кожи на миг будто въелся в мою ладонь, и от этого прикосновения по спине пробежала судорога. Я не собиралась пить его кровь, даже мысль об этом была омерзительна, словно мне предлагали глотнуть самой тьмы.

Но когда он вновь взглянул на меня, его черты лица исказились — будто по гладкой маске пробежала трещина, обнажая что-то древнее и безжалостное. Уголки губ дёрнулись не в улыбке, а в хищном оскале, от которого по коже поползли ледяные мурашки. Глаза потемнели, и в них мелькнуло нечто, от чего внутри всё оборвалось: не ярость даже, а холодная, расчётливая жестокость, привычная, как дыхание.

В это мгновение в дверном проёме показался Андрей. Глаза у него были дикие, почти безумные, а в руке — полыхающий коктейль. Он швырнул его в незнакомца, и пламя рванулось вперёд, на секунду разорвав сгустившуюся тьму. Сквозь треск огня до меня долетел его хриплый приказ: «Беги!» — и я побежала.

Ноги будто налились свинцом, каждый шаг отдавался в висках тяжёлым гулом, но я мчалась вперёд, не чувствуя ни пола под ступнями, ни воздуха в груди. Когда добежала до двери, краем глаза успела заметить, как незнакомец скидывает с себя пылающий смокинг — ткань шипела и чадила, а он даже не морщился, будто боль была ему привычна, как дыхание. Он рванулся в сторону Андрея, и в этом движении не было ничего человеческого — только звериная, безжалостная стремительность.

А Андрей уже мчался прочь, в противоположную сторону. Силуэт его мелькнул и растворился во мраке, и на миг мне показалось, что тьма просто проглотила его целиком. Я застыла на пороге, разрываясь между желанием броситься следом и пониманием, что сейчас я стану лишь обузой. Вокруг клубилась гарь, смешиваясь с запахом озона и чего-то едкого, будто сама ночь пропиталась страхом.

Так я оказалась в мрачных коридорах замка, которые сплетались в запутанный лабиринт: одинаковые арки, одинаковые тени, одинаковые повороты, за которыми не было ни света, ни надежды. С каждым шагом ощущение, что выхода

не существует, становилось всё плотнее, словно липкая паутина, оплетающая мысли. Я прижимала ладонь к шершавой стене, будто хотела почувствовать хоть какую-то опору, но камень был холодным и безразличным.

Где-то вдалеке капала вода — монотонно, размеренно, как отсчёт последних минут. Каждый удар капли отдавался внутри, превращаясь в глухой, нарастающий страх. Порой раздавались отчаянные крики людей, тех, кто до последнего боролся за свою жизнь, тех, кто думал, что спрятался. И каждый раз я вздрагивала. Тени шевелились, будто в них прятались чьи-то взгляды, и мне то и дело казалось, что за спиной кто-то есть — не человек, не зверь, а нечто, что знает этот лабиринт лучше меня и просто ждёт, когда я окончательно потеряюсь.

Надежда на выход растворялась с каждым поворотом, оседая где-то в глубине груди горьким пеплом. И хуже всего было не то, что я не знала, куда бежать, — а то, что начинала привыкать к этой темноте.

Разбитое колено пульсировало тупой, ноющей болью, отдаваясь в виски с каждым ударом сердца. Я с трудом сдержала стон, чувствуя, как липкая влага проступает сквозь ткань платья, смешиваясь с потом и пылью. Резкий обрыв крика где-то в глубине коридора заставил меня вздрогнуть всем телом: тишина после него была куда страшнее самого звука. Она была густой, давящей, словно кто-то накрыл мир плотным одеялом, отрезав последние нити надежды. Я прижала

ладонь к губам, пытаясь унять дрожь, но мысли метались в голове, как загнанные зверьки. Серебро? Осина? Всё это казалось сейчас детской сказкой, бесполезным хламом против той первобытной жестокости, что царила в этих стенах.

Звериный рык, разорвавший тишину совсем близко, заставил меня сорваться с места раньше, чем разум успел оценить опасность. Адреналин хлестал по венам, заставляя ноги двигаться механически, вопреки боли и усталости. Я не смотрела, куда бегу, видя перед собой лишь размытые пятна теней и камня. Стена выскочила из мрака внезапно, словно материализовавшись из самого воздуха. Удар выбил дух, мир покачнулся, и я полетела назад, ожидая встретить холодный пол.

Но падения не последовало. Жёсткая хватка на локте остановила меня, перехватывая инерцию падения с пугающей лёгкостью. Пальцы впились в кожу так сильно, что наверняка оставят синяки, но в этот момент мне было не до боли. Меня рывком притянули к чужому телу, и я уткнулась лицом в твёрдую грудь, покрытую дорогой тканью. От незнакомца пахло холодом, старым камнем и чем-то металлическим — запахом власти и древней, застывшей крови.

Я затравленно вскинула голову, пытаясь разглядеть спасителя или нового мучителя. Высокий силуэт стоял неподвижно, словно изваяние, вырезанное из самой ночи. Густая тень скрывала его лицо, делая черты неуловимыми и пугающе чужими. Казалось, будто сама темнота обвила его плечи, не же-

лая отпускать. В его позе не было суеты беглеца или ярости охотника — только абсолютное, леденящее спокойствие хищника, знающего, что добыча уже никуда не денется.

Но мне хотелось верить, что это не чудовище, что он тот, кто сможет помочь мне. Конечно же, я была слишком наивна. Мы были обречены с тех самых пор, когда я и мои друзья впустили в свою жизнь Марка, который организовал нам поездку в один конец. И теперь, похоже, я была следующей.

Алый огонь в его глазах не просто обжигал — он затягивал, высасывая волю, словно я уже летела в бездонную пасть ада. Грудь сдавило ледяной пустотой, а следом пришло горькое, липкое смирение: конец. Мой час пробил.

По щеке скользнула предательская слеза, и в ту же секунду шею пронзила боль — острая, ослепительная, будто раскаленный штырь вошел в плоть. Мир вспыхнул чёрными искрами. Из горла вырвался дикий, нечеловеческий крик, и лишь спустя мгновение я осознала: это кричу я. Я клялась молчать, не дать ему удовольствия слышать мой страх, но тело предало меня, разрываясь от агонии.

Силы мгновенно покинули меня. Тело обмякло, повисло в его железной хватке, как сломанная кукла с оторванными нитями. Сознание ускользало, и я отчаянно цеплялась взглядом за дрожащее пламя ближайшего факела. Огонь метался, выписывая безумные узоры на стенах, но свет стремительно тускнел, съеживался в маленькую точку и погас. Вместе с ним во тьму ушёл и мой мир.

В какой-то момент тьма отступила на шаг, оставляя в сознании мутное, вязкое сознание. Первое, что вернулось, — это запах. Резкий, терпкий аромат дорогого табака, смешанный с металлическим привкусом собственной крови на губах. Я попыталась вдохнуть, но воздух обжег легкие, будто я дышала не кислородом, а битым стеклом. Тело отзывалось глухой, разлитой болью, особенно в том месте, где клыки незнакомца пробили кожу. Ощущение было чужеродным, пугающе интимным, словно часть моей души вытекла вместе с кровью и теперь принадлежала ему.

Я лежала на чем-то твёрдом и холодном, но не на каменном полу коридора. Под пальцами проступала текстура дорогой ткани, а рядом ощущалась твёрдость чужого тела. Медленно, с трудом разлепив тяжелые веки, я увидела потолок с высокими сводами, утопающими в полумраке. Мы были не в лабиринте. Мы были в комнате. Или в клетке? Грань между этими понятиями стёрлась, когда я почувствовала, как сильные руки переместились с моей талии на шею, фиксируя голову в одном положении.

— Слишком много шума для такой хрупкой вещицы, — прозвучал голос. Бархатный, насмешливый, он скользнул по коже хуже, чем прикосновение льда.

Я попыталась отстраниться, но сил хватило лишь на слабый вздох. Незнакомец наклонился ближе. В полумраке его глаза светились тревожным, хищным багрянцем. Он не выглядел довольным своей победой, в его взгляде читалось хо-

лодное удовлетворение охотника, проверившего капкан.

— Морак будет в ярости, когда узнает, что его «истинная» помечена чужим клыком, — произнёс он, проводя большим пальцем по ранке на моей шее. Боль от этого простого движения заставила меня содрогнуться. — Но теперь ты моя проблема. И мой трофей.

Страх, который должен был парализовать, сменился странным, липким оцепенением. Я понимала, что бежать больше некуда. Коридоры, крики друзей, пламя — всё это осталось позади, отрезанное непроницаемой стеной его власти. Здесь, в тишине этой комнаты, время текло иначе. Медленнее. Тягучее. И каждый удар моего сердца отдавался эхом в его груди, к которой меня так плотно прижали.

Глава 6. Пленница

Его пальцы на моей шее сжались чуть сильнее, заставляя меня запрокинуть голову и встретиться с его взглядом. В этом багровом свечении не было ни капли человеческого сострадания, лишь холодное, расчётливое любопытство хищника, изучающего новую игрушку.

— Кто ты? — выдохнула я, и мой голос прозвучал хрипло, чужеродно в этой давящей тишине. Слова давались с трудом, каждое из них обжигало пересохшее горло, но мне нужно было знать имя того, кто теперь держал мою жизнь в своих руках.

Он усмехнулся, и эта улыбка была опаснее, чем его клыки. Медленно, с нарочитой медлительностью, он провёл языком по оставленной им ранке, слизывая выступившую каплю крови. От этого прикосновения по телу пробежала волна отвращения, от которого хотелось закричать или заплакать, но я лишь замерла, чувствуя, как последние остатки сопротивления тают под его властным напором.

— Твой самый страшный кошмар, — произнёс он, и в этом имени звучала сталь и древняя, непоколебимая власть.

Я попыталась оттолкнуть его, но мои руки были слабыми и бесполезными, словно сделанными из ваты. Этот демон даже не шелохнулся, лишь насмешливо приподнял бровь, наблюдая за моими тщетными усилиями. Его уверенность бы-

ла абсолютной, подавляющей, и от осознания этого факта внутри всё сжалось в ледяной ком ужаса.

— Похоже, с тебя на сегодня хватит, — с ленью в голосе произнесло это чудовище и отстранилось от меня. — Не хочу, чтобы ты окочурилась раньше времени.

Закрыв глаза, я прислушалась к нерасторопным шагам незнакомца. И когда дверь захлопнулась с глухим, финальным щелчком, отрезая меня от присутствия хищника, я повернулась на бок. Я осталась одна в полумраке огромной комнаты, где тени плясали в такт моему бешено колотящемуся сердцу. Воздух здесь был спёртым, пропитанным запахом старого дерева и едва уловимым металлическим привкусом моей собственной крови. Холод сквозь тонкую ткань платья проникал в кости, заставляя тело непроизвольно дрожать, но эта дрожь была ничем по сравнению с ледяным ужасом, сковывающим разум.

Я попыталась подняться, опираясь на дрожащие руки, но слабость не позволяла мне этого сделать. Слёзы бессилия подступили к глазам, размывая очертания мебели. Проморгавшись, я осмотрелась и поняла, что комната не имеет окон, лишь массивная дверь и высокие своды, уходящие в темноту. Единственным источником света была тусклая люстра, мерцающая так слабо, что углы помещения оставались непроглядной чернотой. В этой тишине каждый шорох казался грохотом, каждый вдох — предательским шумом. Нужно было думать, нужно было найти выход, но разум отказывал-

ся слушаться, погружаясь в вязкий туман страха и боли от укуса, который пульсировал на шее горячим пятном.

Некоторое время я прислушивалась к тишине, которая оказалась громче криков. Было тихо слишком. А потом вдруг дверь скрипнула, и я поняла, что провалилась в сон. Всего на миг — а может, на час, я не знала. Время здесь теряло смысл, растворяясь в спёртом воздухе и дрожащем свете люстры.

Когда я вскинула голову, в проёме уже стоял он. Не вошёл — возник, будто тень решила обрести форму. На губах его играла та самая усмешка, от которой по коже бежали ледяные мурашки.

— Проснулась? — голос прозвучал обманчиво мягко, почти заботливо. — А я уж думал, ты не очнёшься до рассвета.

Я вжалась в угол, чувствуя, как пульсирует рана на шее, напоминая: бежать некуда. Он сделал шаг внутрь, и дверь закрылась за ним с тем же глухим, окончательным щелчком, будто сама комната подтверждала: выхода нет.

Он приоткрыл дверь чуть шире и пропустил вперёд девушку, которая в руках держала поднос с едой. Та двигалась бесшумно, будто её шаги растворялись в воздухе, и даже лицо у неё было каким-то пустым, отрешённым — словно она сама была частью этого замка, его послушной тенью. Поднос она поставила на низкий столик у стены, не поднимая на меня глаз, а потом так же беззвучно скользнула к выходу.

— Ешь, — голос вампира прозвучал лениво, но в нём зве-

нела сталь. — Не хочу возиться с бесчувственной куклой.

Я сжала пальцы в кулаки, глядя на еду. Всё выглядело до тошноты аппетитным: румяная булочка, ломтики мяса, салат со свежей зеленью. Слишком идеально, будто нарисованное, будто призванное обмануть голод и заставить меня поверить, что здесь можно чувствовать себя в безопасности. Но я не могла заставить себя прикоснуться к этому. Запах, который должен был пробуждать аппетит, казался мне чужим, пропитанным запахом этого места — старого дерева, пыли и чего-то ещё, от чего по спине бежали мурашки.

Он усмехнулся, заметив, как я вжалась в угол, словно пыталась слиться со стеной.

— Не нравится? — протянул он, склонив голову набок. — А мне казалось, голод быстро стирает брезгливость. Впрочем, спешить некуда.

И, развернувшись, он вышел, мягко прикрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в тишине почти издевательски — спокойно, буднично, как будто всё происходящее было самой обычной рутиной.

Некоторое время я сражалась с голодом, соблазном, а потом просто со злостью отшвырнула поднос. Он с грохотом покатился по каменному полу, тарелки разлетелись осколками, как и разбросанная еда, будто нелепый дар этому проклятому месту.

На секунду меня даже обожгло чувством победы — будто этим резким движением я вернула себе хоть каплю контро-

ля. Но тишина, которая последовала за грохотом, была насмешливой, тяжёлой, она давила сильнее, чем его голос.

А потом дверь медленно открылась, и из темноты коридора раздался медленный, отчётливый хлопок. Один. Второй. Третий.

Он стоял в проёме, не входя, будто нарочно оставляя между нами порог, и от этого становилось только страшнее. На лице не было гнева, только эта пугающая спокойная заинтересованность, с какой наблюдают за зверем в клетке, когда тот впервые решается броситься на решётку.

— А ты с характером, — произнёс он тихо. — Значит, твоя злость крепче голода. Но надолго ли тебя хватит?

Я стиснула кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и заставила себя не отводить взгляд. Пусть видит, что я не сломлена.

— Думаешь, я стану есть то, что ты велишь? — голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Думаешь, кусок мяса может купить мою покорность?

Он не шелохнулся. Только чуть склонил голову, будто прислушивался не к словам, а к тому, как они срываются с моих губ, к ритму моего дыхания, к дрожи, которую я пыталась скрыть.

— Покорность не покупают, — спокойно ответил он. — Её ломают. Или она рассыпается сама. Посмотрим, какой путь выберешь ты.

И, не добавив больше ни слова, он шагнул назад, раство-

ряясь в темноте коридора. Дверь закрылась не с привычным глухим щелчком, а с тяжёлым, размеренным стуком, будто отбивая ритм: раз… два… три…

Тишина вернулась, но теперь она была другой — не пустой, а наполненной его словами, которые звенели в голове, как осколки разбитой посуды.

Спустя небольшой период времени на пороге комнаты появилась девушка — та самая, с пустым, отрешённым лицом и движениями, будто у неё не было собственной воли. Теперь в её голосе не осталось и тени безмолвной покорности: он стал резким, требовательным, режущим тишину, как лезвие.

— Вставай и иди за мной, — бросила она, не глядя на меня, будто обращалась к мебели, а не к человеку. — И не вздумай упрямиться. Если придётся тащить тебя в ванну за волосы, я это сделаю. И поверь, мне всё равно.

Я медленно поднялась, чувствуя, как пол будто уходит из-под ног. В голове билась одна мысль: не показывать слабость, не дать ей повода схватить меня. Каждый шаг давался тяжело, но я заставляла себя идти ровно, не шатаясь. Пусть видят, что я ещё держусь. К тому же, я и сама нуждалась в уборной и горячем душе.

В коридоре пахло сыростью и чем-то едким, будто в воде для мытья растворяли соль или травы с резким запахом. Дверь в ванную открылась со скрипом, и оттуда вырвался влажный, тяжёлый пар.

— Туда, — коротко приказала она, указывая внутрь. —

Снимай всё. И не тяни время.

Я вошла в душ, и горячие струи обрушились на плечи. Казалось, они хотели смыть не только пот и следы крови, но и воспоминания о вчерашнем дне. Меня тут же облепил густой пар, на мгновение отрезав от этой каменной клетки, от приоткрытой двери и от неподвижной тени за ней. Хоть на пару секунд мне стало казаться, что я снова одна — по-настоящему одна, а не под присмотром. Но это была иллюзия. Я чувствовала её взгляд даже сквозь пар.

Я торопливо провела ладонями по лицу, смывая грязь, но не могла смыть то, что въелось глубже: запах страха, вкус беспомощности. Капли стекали по коже, а внутри всё равно оставался холод — тот самый, что сковал меня ещё там, в комнате, когда его пальцы сомкнулись на моей шее.

Рана на шее щипала и не давала к себе прикоснуться, и я невольно втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Любое касание будто рассыпалось под кожей тысячей иголок, напоминая об этом ненавистном монстре.

Напор воды вдруг ослаб, будто кто-то снаружи нарочно убавил его, напомнив: даже это тепло здесь не моё. Пар начал редеть, открывая голые стены, ржавые трубы, тёмный слив у ног. И щель в двери, которая снова смотрела на меня, как пустой, холодный глаз.

Из коридора донёсся короткий сухой звук, будто она постучала пальцами по косяку. Не приказ, а просто намёк: время вышло.

— Хватит, — её голос прозвучал ровно, без крика, и от этого было страшнее. — Выходи. И не заставляй меня повторять.

Одежды мне не предоставили, и пришлось вновь надевать платье, на котором виднелись мои капли крови.

Я вышла из ванной, чувствуя себя загнанным зверем, которого выволокли на свет, чтобы лучше рассмотреть раны. Девушка с пустым взглядом ждала меня у порога, её пальцы уже сжались в кулаки, готовые схватить меня за волосы при малейшем промедлении. Но я не дала ей этого шанса. Гордость, пусть и израненная, заставила меня выпрямить спину и шагнуть в коридор самостоятельно, хотя каждый шаг отдавался болью в ушибленном колене и пульсацией на шее.

Она молча повела меня обратно, её шаги были бесшумны, словно она ступала по воздуху, а не по холодному камню. Чужие холодные коридоры казались ещё более зловещими при тусклом свете факелов, отбрасывающих длинные, дёрганые тени. Мы остановились перед той самой массивной дверью, за которой осталась моя клетка. Девушка толкнула её, и тяжёлые створки бесшумно распахнулись, открывая полумрак комнаты.

Внутри всё осталось так же, но разбросанной мною еды и осколков от посуды уже не было. Но теперь там был он. Чудовище! Он сидел в глубоком кресле у стены, погружённый в тень, но я чувствовала его взгляд ещё до того, как успела переступить порог. Он не шевелился, лишь слегка повер-

нул голову, следя за моими движениями с той самой хищной сосредоточенностью. Его присутствие заполняло собой всё пространство, вытесняя воздух и оставляя лишь давящую тяжесть его власти.

— Надо бы снять это платье. Оно портит аромат твоего чистого тела, — с прежней леностью в голосе произнёс он, но в его голосе прозвучало удовлетворение хозяина, оценивающего ухоженность своего имущества.

Девушка за моей спиной тихо закрыла дверь, и щелчок замка прозвучал как приговор. Я осталась с ним наедине, чувствуя, как меня начинает бить мелкой дрожью, ведь в его глазах появились новые, пугающие искры. Он медленно поднялся из кресла, и тень, до этого скрывавшая его фигуру, отступила, обнажая хищную грацию каждого движения. В его глазах не было похоти в привычном человеческом понимании — лишь голод собственника, проверяющего целостность своей вещи.

— Сними, — и на этот раз в голосе не было места для отказа. Это был не вопрос и даже не приказ, а констатация неизбежности, от которой волосы на затылке встали дыбом.

Я замерла, прижимая локти к бокам, словно пытаясь защититься этим жалким жестом от его всепроникающего взгляда. Холод пробирал до костей, но страх оказаться полностью беззащитной перед этим монстром был сильнее.

— Я не стану, — прошептала я, и мой голос дрогнул, предавая меня. — И не смей прикасаться ко мне.

Монстр усмехнулся, и эта улыбка была страшнее любой угрозы. Он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Воздух вокруг сгустился, насытился запахом его силы — древним, металлическим и подавляющим.

— У тебя нет права говорить «нет». Ты моя пленница, истинная Морака, — произнёс он тихо, почти ласково, но в этом ласковом тоне звенела сталь. — Твоё тело уже отмечено мной. Осталось лишь принять остальное.

Он протянул руку, и его пальцы, холодные и сильные, коснулись застежки моего платья. Я дёрнулась, пытаясь отшатнуться, но спина упёрлась в холодную каменную стену. Бежать было некуда. Его взгляд скользнул по моему лицу, отмечая каждую дрожь, каждый расширенный от ужаса зрачок, и в этом смотре было больше власти, чем в любом физическом насилии.

Глава 7. Цена уязвимости

Металлический щелчок прозвучал в тишине комнаты как выстрел. Ткань платья, лишенная поддержки, безвольно поползла по моему телу вниз, но я удержала его в последний момент. Мои руки судорожно придерживали ткань у основания груди, но этот монстр резко сорвал его с меня. Послышался треск ткани, и моё любимое платье тряпкой полетело на пол, оставляя кожу открытой для ледяного воздуха и его жадного, немигающего взгляда. Я инстинктивно попыталась прикрыть себя руками, но чудовище перехватило мои запястья. Его хватка была болезненной, заставляющей кости ныть, а его внимание было приковано к шее, где пульс бился в бешеном ритме, выдавая мой ужас.

— Твой страх опьяняет, — выдохнул он. В его словах была лишь оценка добычи. Он медленно провёл тыльной стороной ладони по моей ключице, спускаясь ниже, к тому месту, где уже алели два глубоких прокола. Кожа под его пальцами горела огнём, контрастируя с мёртвенным холодом его прикосновения. — Ты знаешь, что Морак рвёт и мечет, разыскивая свою истинную, — усмехнулся монстр. — И он не представляет, в какой стороне искать тебя.

— Зачем я тебе? — мой голос дрожал, как и моё ослабленное тело. — Зачем всё это?

— Меньше вопросов, девочка. Тебе не нужно знать всё.

Для начала научись слушать и выполнять, что тебе говорят, — взглянул он в мои глаза, прожигая их своими алыми.

Я зажмурилась, пытаясь отгородиться от реальности и чувства унижения. Он наклонился ближе, и я почувствовала, как его дыхание коснулось моего уха. Его клыки слегка царапнули мочку, посылая по позвоночнику волну тошнотворного волнения, которое я возненавидела всем существом. Это было не желание, это была биологическая реакция жертвы на хищника, и осознание этого унижало сильнее, чем нагота.

— Сейчас ты чувствуешь ненависть, желание меня убить, и ты непременно попытаешься это сделать, — прошептал он, его голос стал ниже, вибрируя прямо в груди. — И я тебя понимаю. Ты не знаешь, кто я, где ты и что тебя ждёт.

Он отпустил мои запястья лишь для того, чтобы грубо схватить за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. В темноте его зрачки светились нездоровым багровым отблеском, поглощая остатки моего «я». В этом взгляде не было места для мольбы или переговоров. Была только голодная пустота, которую, похоже, он намеревался заполнить мной, ломая и перекраивая под свои нужды.

Его пальцы скользнули ниже, очерчивая контур моего тела с пугающей, почти ритуальной тщательностью. Каждое прикосновение обжигало кожу холодом, заставляя мышцы непроизвольно сжиматься в попытке защититься от чужого вторжения. Монстр не спешил, он будто наслаждался моим

унижением и абсолютной беспомощностью. Он изучал меня, как коллекционер изучает редкий, хрупкий экспонат, доставшийся ему ценой крови. В его глазах не было желания в человеческом понимании — лишь голод древнего хищника, проверяющего качество своей добычи.

— Ты бы стала прекрасной партией Морака, — усмехнулся монстр. — Но, поверь, он не достоин тебя, и я безумно рад, что его драгоценность попала в мои руки.

Он отпустил мои запястья и в следующий миг грубо развернул меня лицом к стене. Камень был ледяным и шершавым, он царапал грудь и живот, но эта боль казалась ничтожной по сравнению с липким ужасом, сковавшим разум. Я услышала, как он сделал шаг назад, и воздух вокруг словно стал разряжённым, лишённым кислорода. Его присутствие давило на плечи тяжелее любых кандалов.

— На твоей идеальной коже в качестве украшений не хватает шрамов. В нашем мире такой, как ты, нельзя быть слишком идеальной. Ты ведь не собираешься в свет, — очередная насмешка, а затем он вновь приблизился, и его голос, словно сталь, полоснул по сознанию: — Если ты будешь доставлять нам проблемы, то на твоей красивой спине появятся первые шрамы! Слушайся и не суй свой нос туда, куда тебе не следует! Будешь умницей, всё сложится хорошо, а нет...

Монстр отстранился, и я вновь стала открыта его взору. Я закрыла глаза, пытаясь отгородиться от реальности, от его голоса, от ощущения его взгляда, скользящего по моей обна-

жённой спине. Слёзы жгли веки, но я запрещала им течь. Показать слабость означало проиграть окончательно. Внутри разгоралась слабая, почти угасающая искра злости — единственное, что оставалось у меня. Если он хочет сломить меня, ему придётся постараться сильнее, чем просто раздевать и пугать.

— Ты окажешься этажом ниже, и поверь, эта комната покажется тебе раем, — продолжил он свою угрозу. — А сейчас ты должна поесть. И если ты вновь выкинешь очередной фокус, — его голос эхом отскочил от стен, заставляя моё тело вздрогнуть, — ты останешься здесь ещё надолго. Нагой и голодной.

Монстр вышел, не оглядываясь, оставив меня одну в тишине, которая теперь казалась оглушительной. Я медленно опустилась на колени, обхватив себя руками, пытаясь согреться, но холод проникал глубже кожи, достигая самого сердца. Слёзы наконец прорвались сквозь плотину гордости, горячие и солёные, но я зажала рот ладонью, чтобы ни один звук не вырвался наружу, чтобы он не услышал моего поражения.

Тишина в комнате не принесла облегчения, лишь усугубила ощущение собственной наготы. Каждый шорох за дверью, каждый скрип старого дерева в коридоре заставляли меня вздрагивать, ожидая, что он вернётся. И когда дверь вновь открылась, в комнату вошла всё та же девушка, и в её руках был очередной поднос с едой. Она даже не взглянула в

мою сторону, а просто оставила его на столе и молча вышла, хлопнув дверью.

Мне сильно хотелось есть, но я сдерживалась. Снова переворачивать поднос не было желания. Вдруг это чудовище выполнит свои угрозы, и проверять это мне не хотелось. Глаза слипались от усталости, но я боялась закрыть их полностью. Сон означал потерю контроля, а контроль был единственным, что у меня осталось. Я вслушивалась в тишину, пытаясь уловить малейший признак жизни за пределами этой каменной клетки. Но там была лишь пустота и ожидание.

Холод проникал всё глубже, добирался до костей, заставляя тело ныть. Разглядывая кровать, которая больше напоминала жертвенник, я надеялась разглядеть на ней хоть какую-то ткань, похожую на простынь. Но на ней был лишь тонкий матрас, который был не менее холодным, как эти мрачные стены.

В голове возникли воспоминания, связанные с моими друзьями. Я не была уверена, что они остались в живых, и это угнетало ещё больше. И если бы не Марк, который привёз нас как деликатес на пир этим тварям... Я рвано выдохнула, чувствуя себя полной дурой. Да лучше бы я сидела в офисе, нежели поехала отдыхать, да ещё и за счёт мнимых друзей Марка, которые оказались самыми настоящими чудовищами.

Голод, предательски скручивающий желудок, оказался сильнее гордости. Я знала, что чудовище не блефует: его

угрозы были такими же холодными и неотвратимыми, как камень под моей спиной. Дрожащими руками я потянулась к подносу, стараясь не смотреть на изящные фарфоровые тарелки, которые казались насмешкой над моим плачевным положением. Еда остыла, но запах был аппетитным, дразнящим обоняние, и это вызывало приступ тошноты. Каждый кусок, проглоченный мной, казался актом капитуляции, признанием его власти над моим телом и потребностями.

Съев лишь половину, я отодвинула тарелку, чувствуя, как силы медленно, нехотя возвращаются в ослабленные мышцы. Холод комнаты больше не казался просто физическим дискомфортом, он проник внутрь, поселившись в костях. Я свернулась калачиком на холодной кровати, подтянув колени к груди, пытаясь сохранить хоть каплю тепла. Нагота перестала быть просто унижением — она стала физической пыткой, постоянным напоминанием о том, что я лишена защиты, лишена одежды, лишена права на личное пространство.

В тишине, нарушаемой лишь моим собственным прерывистым дыханием, я услышала его. Не шаги, а изменение давления воздуха. Присутствие монстра заполнило комнату, вытесняя кислород. Он стоял где-то в темноте, наблюдая. Его взгляд был осязаемым, тяжёлым, скользил по моей спине, по дрожащим плечам, по спутанным волосам. Он наслаждался этим моментом, этой абсолютной уязвимостью, которую сам же и создал.

Внезапно он подошёл ближе, вынырнув из темноты и кинув мне в ноги тёплую одежду, требовательно произнёс:

— Одень это и пойдём со мной.

Упрашивать меня не пришлось. Я быстро схватила одежду и принялась натягивать её на себя. Тёплые свободные штаны и в тон ему балахон. Это чудовище наблюдало за моими неловкими движениями с ленивой усмешкой, его алые зрачки в полумраке комнаты казались двумя раскалёнными углями.

Он развернулся и пошёл первым, его силуэт растворялся в тенях длинного коридора. Я шла следом, стараясь ступать бесшумно, хотя понимала бессмысленность этой предосторожности: его слух улавливал биение моего сердца за стенами, а запах моего страха наверняка был для него слаще любых духов.

Он вёл меня всё выше. Винтовая лестница будто сжимала нас в тугую спираль, отрезая от остального мира. И вдруг тени расступились, коридор наверху оказался залитым мягким светом — не резким, как внизу, а тёплым, будто от множества свечей, спрятанных в нишах.

Здесь пахло иначе: не сыростью и старым камнем, а чистотой, свежестью и чем-то пряным, почти домашним. В воздухе витал лёгкий аромат лаванды — странно было чувствовать его здесь, среди мрачных сводов. По стенам тянулись тонкие резные панели, на полу лежал ковёр с густым ворсом, приглушавший шаги. Даже воздух казался чище, будто его

специально фильтровали, чтобы не тревожить тонкие носы обитателей верхних этажей.

Чудовище — и я по-прежнему не решалась назвать его иначе — остановился у тяжёлой двери с бронзовой ручкой. Он не обернулся, но я почувствовала, как его внимание скользнуло по мне, точно холодная тень. Монстр открыл дверь, пропуская меня вперёд.

— Ты будешь жить здесь, — сказал он спокойно, и в этом спокойствии было больше угрозы, чем в любом крике. — Попытаешься сбежать или нарушить правило, и ты вновь вернешься в подземелье, — с ноткой стали произнёс монстр, сверкнув рубиновыми глазами.

С этими словами он вышел, оставив меня наедине с собой.

Я медленно осмотрелась. Здесь было тепло и уютно, но ведь я понимала, что это была очередная клетка, обтянутая бархатом. По крайней мере, теперь я не в той холодной темнице.

Комната пахла свежестью — чистым бельём и едва уловимой прохладой, будто сюда специально запускали утренний ветер, чтобы стереть любые следы затхлости. Сквозь высокие окна лился ровный свет, и даже решётки на них не казались угрожающими — скорее, частью замысловатого узора, который обрамлял вид на далёкие пики гор и серое полотно неба. Их тёмные прутья сплетались в строгий, почти изящный орнамент, словно кто-то нарочно старался превратить преграду в украшение.

Стены из грубого камня выглядели не враждебными, а надёжными — будто эта комната была не тюрьмой, а укромным убежищем, спрятанным в толще замка. В стыках между плитами пряталась тонкая патина времени, но никакой сырости, никакой гнили: только сухая прохлада старого камня, от которой становилось легче дышать.

Небольшая деревянная кровать стояла у дальней стены — простая, без вычурной резьбы, зато с мягким матрасом, который манил прилечь и хоть на миг забыть обо всём. Дерево было тёплым на вид, гладко отполированным, будто его не раз касались заботливые руки. На кровати лежало покрывало из плотной ткани глубокого серого оттенка — не мрачного, а спокойного, как сумеречное небо после дождя.

В нише, скрытой за тяжёлой, но не давящей портьерой из мягкого бархата, пряталась ванная. Чаша из чёрного мрамора блестела сдержанно, без показной роскоши, а вода в ней казалась чистой и прохладной, будто её только что налили.

Воздух был прохладным, но не ледяным — такой свежий, звенящий холод, какой бывает в горах перед рассветом. И хотя я помнила, что являюсь пленницей, сама комната будто уговаривала: «Здесь можно выдохнуть. Хоть ненадолго». В этой странной, почти заботливой строгости было что-то, что невольно располагало к себе, и от этого становилось даже страшнее, потому что уют здесь казался не случайностью, а продуманным расчётом.

Глава 8. Шаг за черту

Я склонилась над мраморной чашей, провела ладонями по прохладной воде и плеснула себе в лицо. Капли стекали по щекам, смывая остатки оцепенения, и на миг мне показалось, что вместе с ними уходит и липкий страх, сковывавший грудь.

Когда я обернулась, у приоткрытой двери стояла та самая девушка, которая приносила еду. Она смотрела на меня без любопытства, но и без холодности, скорее как на неизбежную часть своих обязанностей. На ней было простое тёмно-серое платье, а тёмные волосы туго стянуты в хвост, открывая тонкое, почти бесстрастное лицо.

— Ты можешь передвигаться по этому крылу замка, — сказала она ровным, будничным тоном, будто перечисляла пункты распорядка дня, а не границы моей свободы. — Но вниз не спускайся. И на верхние этажи тоже не поднимайся. Как и в противоположное крыло. Туда тебе запрещено ступать. Надеюсь, ты поняла, что при таких ограничениях за пределы замка тебе вообще нельзя?!

Я сжала пальцы в кулаки и, пряча дрожь в ладонях, просто кивнула, молча принимая условия чужих правил.

— Здесь есть библиотека и просторная гостиная, — добавила она.

— Спасибо, — прошептала я, сама не зная, за что именно.

Девушка хмыкнула и, не сказав больше ни слова, вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу и посмотрела на серые пики гор, тонущие в сумерках. Решётки по-прежнему сплетались в изящный узор, и теперь он казался мне не украшением, а хитрой иллюзией: будто кто-то очень старался, чтобы клетка выглядела как рама для красивого вида.

Я подошла к небольшому шкафу и потянула на себя створки — дерево скрипнуло совсем тихо, будто не хотело выдавать ни единого лишнего звука. Внутри было пусто: ни стопки сложенных вещей, ни забытых тапочек, ни даже пыльного шарфа — только запах старого дерева и прохлада, идущая от задней стенки. Сердце ёкнуло от лёгкого разочарования: пусть ковры и укрывали каменные полы мягким ворсом, ногам всё равно хотелось тепла, хотелось чего-то своего, привычного.

Я уже собиралась закрыть дверцы, но вдруг за спиной щёлкнул замок. Этот звук был не привычным, будничным, а более резким, словно кто-то толкнул дверь с силой. Я обернулась.

На пороге снова стояла эта девушка. Не сказав ни слова, она швырнула на постель два плотных пакета. И тут же развернулась, будто боялась задержаться хоть на миг. Всем видом она показывала, что я здесь нежеланная гостья, которую приходится терпеть.

Я стояла, глядя на эти пакеты, и пальцы сами сжимались в

кулаки. Потом, будто преодолевая невидимую тяжесть, шагнула вперёд и открыла первый. Внутри лежал халат — простой, из плотной ткани, без вычурных узоров, и от этого он казался почти добрым. Но под ним лежала кружевная сорочка — тонкая, полупрозрачная, с изящной отделкой, которая сейчас выглядела не красивой, а чужой и стыдной. От её вида у меня по коже пробежал неприятный холодок, будто сам замок смеялся надо мной, будто монстр нарочно выбирал вещи, чтобы подчеркнуть мою уязвимость. Мне стало стыдно даже смотреть на неё, словно я уже надела её и стояла здесь, выставленная напоказ.

Во втором пакете лежали балетки — аккуратные и простые, как раз для того, чтобы бродить по каменным коридорам. Рядом — тапочки: мягкие, с пушистой опушкой, такие, в которых хочется зарыться пальцами ног и забыть обо всём.

Оставив себе уютный халат, который положила на край кровати, я поспешно схватила кружевную сорочку, которая будто жгла пальцы, и засунула назад в пакет. А тапочки поставила у кровати, рядом с халатом. Я планировала принять ванную, и эти вещи мне обязательно понадобятся. Хотелось смыть с себя прикосновение этого чудовища, его запах и грязь той комнаты.

Я прошла к нише с ванной. Тяжёлая бархатная портьера скользнула в сторону с тихим шелестом, будто сама подталкивала меня внутрь. Вода в чаше из чёрного мрамора стояла неподвижно, как тёмное зеркало, и, когда я опустила в неё

руку, она отозвалась лёгкой рябью — прохладной, но не ледяной.

Аккуратно положив халат на край мраморной полки, я скинула с себя одежду и медленно опустилась в воду. Она приняла меня тихо, без всплеска, обнимая прохладными объятиями. Плечи опустились сами собой, дыхание выровнялось, и я плеснула водой на лицо, смывая не столько пыль, сколько ощущение, что за мной всё время кто-то следит. Потом закрыла глаза — совсем ненадолго, буквально на несколько ударов сердца, позволяя себе эту крошечную слабость: просто быть, не думать, не бояться.

А когда открыла…

Прямо напротив, опираясь плечом о каменную арку, стоял он. Его алые зрачки горели, как два раскалённых рубина, и в этом свете даже мрамор казался тусклым. Я вскрикнула, резко подтянула колени к груди и прикрылась руками, будто это могло хоть что-то скрыть. Вода задрожала от моего движения, пошла мелкой рябью, отражая этот жуткий, насмешливый взгляд.

Он тихо рассмеялся, но так издевательски, что по коже побежали ледяные мурашки.

— Что ты прячешься? — протянул он, чуть склонив голову, и в его голосе звенела насмешка. — Будто я там чего-то не видел.

Я сжала пальцы в кулаки под водой, стараясь унять дрожь, и смотрела на него, не в силах отвести взгляд. В нём не было

ни капли смущения, ни намёка на приличие — только эта пугающая, хищная уверенность, что он здесь хозяин, а я — всего лишь часть его владений.

Потом он медленно шагнул вперёд. Вода в чаше колыхнулась в такт его шагам, и я почувствовала, как всё внутри меня сжимается, будто предчувствуя удар. Его пальцы, длинные, с тонкими изящными ногтями, коснулись края мраморной чаши. Он наклонился, так что его лицо оказалось на уровне моего, и я увидела, как в его глазах вспыхнуло что-то, похожее на желание, желание утолить голод.

Я пыталась отвести взгляд, но не могла. Его пальцы скользнули по воде, оставляя за собой дрожащую рябь, и я поняла, что он собирается коснуться меня. Мои руки сжались ещё крепче, и я чувствовала, как моё дыхание становится коротким, прерывистым. Его пальцы поднялись из воды, ближе, ближе... А затем резким движением руки он плеснул мне в лицо водой.

— Надень ту сорочку, которую тебе принесли, — холодно произнёс он и отступил, направляясь к выходу. — Ослушаешься, выпорю!

Он вышел, бесшумно закрыв за собой дверь. Я осталась одна в воде, которая теперь казалась мне грязной. Я тяжело сглотнула, когда поняла, что мне придётся выполнить его приказ, и мне было страшно представить, что он намерен со мной сделать.

Я медленно вылезла из воды, капли стекали по моему те-

лу, оставляя за собой холодные следы. Поспешно натянув на себя халат, я направилась в комнату и, усевшись на край мягкой постели, стала прокручивать у себя в голове мысли о том, как бы мне сбежать отсюда. Я понимала, что шансов у меня нет, но сидеть сложа руки и ждать, когда этот монстр явится, чтобы делать со мной свои мерзкие дела, я не могла.

Надев лёгкие балетки, я решительно направилась в сторону двери и, сделав глубокий вдох, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть, коснулась дверной ручки. Она была холодной, тяжёлой, будто сопротивлялась, но поддалась с глухим, уверенным щелчком. Я приоткрыла дверь совсем чуть-чуть и, выглянув, осмотрелась.

Коридор встретил меня уже знакомым полумраком. Прикрыв за собой дверь, я вышла и медленно направилась вперёд, прижимаясь к стене, будто она могла меня прикрыть.

Недалеко от моей двери обнаружилась гостиная — просторная, с высокими креслами, обитыми тёмно-зелёной тканью, и камином, в котором тлели угли, отбрасывая на стены дрожащие рыжие блики. Пахло воском и старой бумагой. Чуть дальше, за поворотом, оказалась библиотека: полки тянулись до самого потолка, а между ними стояли узкие лестницы на колёсиках — будто здесь любили забираться к самым верхним корешкам. В воздухе витал запах пыли и чернил, и на миг мне даже захотелось задержаться, просто чтобы почувствовать, что в этом замке есть не только холод и правила.

Но коридор уходил дальше, и оттуда, из глубины крыла, доносился приглушённый гул — самые настоящие голоса. Мужские, уверенные, с резкими интонациями, будто спорили о чём-то важном. И этот звук, такой живой, такой человеческий, тянул меня вперёд сильнее, чем любые запреты.

«Тебе нельзя спускаться вниз», — прошептали в голове слова той девушки, холодные и точные, как лезвие. Но я хотела осмотреться и узнать о замке и его обитателях больше, чтобы найти способ сбежать из логова красноглазого монстра. Я остановилась у края лестницы, ведущей на этаж ниже. Ступени были широкими, из тёмного камня, и перила — тяжёлые, литые, с узором, похожим на переплетённые корни.

Я сделала шаг вниз. Потом ещё один. И ещё. Каждый шаг отдавался в груди глухим стуком, будто я сама выносила себе приговор. Но я шла.

На нижней площадке я замерла, прислушиваясь. Голоса стали чётче, обрели смысл: кто-то смеялся коротко и жёстко, кто-то говорил о поставках, о границах, о том, что «клан не простит». И среди этих слов, среди этого будничного обсуждения чужих дел, прозвучало имя — такое, от которого у меня похолодели кончики пальцев. Морак. Они говорили о нём.

Я подкралась к приоткрытым дверям и заглянула внутрь.

Просторная комната была обставлена с нарочитой небрежностью: массивный стол в углу, несколько кресел, небрежно сдвинутых к центру, и бильярдный стол посере-

дине. Над ним висела тяжёлая лампа, отбрасывая круг яркого света, в котором кружились пылинки. Парни в тёмных рубашках, с закатанными рукавами, двигались вокруг стола, щёлкали киями, смеялись и снова возвращались к разговору — будто бильярд был лишь поводом собраться и обсудить то, что нельзя произносить вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.